

НОВАЯ ПОЛЬША 1/2003

Содержание

1. АНКЕТА «НОВОЙ ПОЛЬШИ»
2. РУССКАЯ МЕЧТА О «ВСЕСОБОРНОСТИ»
3. ПОЛЬСКИЙ СОБЛАЗН СЕГОДНЯ, ИЛИ ЧТО УДИВЛЯЕТ В ПОЛЬШЕ РОССИЯНИНА

АНКЕТА «НОВОЙ ПОЛЬШИ»

Редакция «Новой Польши» обратилась к нескольким десяткам представителей польской общественности с просьбой ответить на следующие вопросы:

1. Что, по вашему мнению, еще мешает нормализации польско-русских отношений?
2. Препятствуют ли наши усилия, направленные на взаимопонимание с независимой Украиной, отношениям с Россией?
3. Препятствуют ли наши усилия, направленные на взаимопонимание с Россией, отношениям с Украиной?
4. Если возникает противоречие между безопасностью государства либо его стратегическими интересами, с одной стороны, и экономической выгодой — с другой, следует ли отдавать предпочтение экономическим интересам?

Публикуем первые полученные ответы. Продолжение — в ближайших номерах «Новой Польши».

Мы обращаемся также к нашим читателям и сотрудникам с просьбой присылать в редакцию ответы на эти вопросы.

Станислав Лем, писатель:

1. Вообще говоря, любая система способна рухнуть быстро, но общественные устроения, особенно в верхах власти, обнаруживают всегда немалую инертность. Сегодняшнее отношение русских к Польше сформировано пропагандой советских времен, то есть они считают нас отступниками, которые презрели имперскую опеку. Такой тип мнения преобладает в кругах власти, особенно военных. Путин избрал скорее западный курс, но до нормализации отношений с Россией нам по-прежнему далеко.
- 2-3. Я считаю, что вопрос польско-украинских отношений вряд ли мешает установлению добрососедских отношений с Россией. Как России, так и Украине предстоит решать несравнимо более важные и срочные проблемы, чем выяснять отношения с нами.

4. Мне не кажется, что можно оценить плюсы и минусы, вызванные приоритетом безопасности государства и экономическими интересами. Слишком много неизвестных тяготеет над всей этой территорией, включающей и Польшу, и Россию, и Украину. Позволю себе добавить, что нам необходима очень разумная и долгосрочная политическая линия по отношению к обоим восточным государствам, но нам мешает груз собственных внутренних трудностей, обременяющих нашу государственность.

Ян Новак-Езёранский, публицист, бывший многолетний директор польской секции радио «Свободная Европа»:

Улучшение отношений с Россией и, более того, сближение и дружба обоих народов отвечает жизненным интересам Польши. Примирение Польши как с Россией, так и с Германией было бы достижением в масштабе тысячелетия. Правда, если немцы в большинстве своем смирились с нынешними границами и отказались от империалистических устремлений — обрести господство над соседями, — эта мысль (если ситуация позволит) по-прежнему сидит в сознании русской политической верхушки. Упрочение независимости Украины, Белоруссии, Прибалтийских государств — гарантия безопасности Польши. Новая зависимость этих государств, навязанная Москвой, была бы равносильна возрождению великорусского империализма, представляющего угрозу Польше.

Выход России из ее нынешней экономической депрессии может дать экономическому развитию Польши неповторимую историческую возможность. Однако обретение этой возможности не может достигаться в ущерб интересам наших соседей...

Стремясь наладить добрососедские отношения с Россией, Польша должна на многие годы запастись терпением и при этом сохранять решимость.

Архиепископ Юзеф Жицинский, митрополит Люблинский:

1. Главная помеха — политический фольклор, в котором Брежнев и Жириновский преподносятся как типичные русские, а для симметрии факт изгнания поляков из Москвы в 1612 г. используется в целях демагогического формирования исторической памяти.

2–3. Усилия, направленные на взаимопонимание с Украиной, не могут мешать отношениям с Россией — и наоборот, ибо

дружба народов, строящаяся на дипломатии и тактическом предубеждении по отношению к другой стране, всегда оказывается иллюзорной и непрочной.

4. Нельзя допустить, чтобы экономические соображения стали высшим принципом нашей культуры. Этика, подчиненная экономике, — это мнимое решение на очень короткое время.

Гжегож Вуйтович, член Совета монетарной политики:

1. Нормализации отношений с Россией мешает недоверие, но здесь поможет время. Источник трудностей — запутанная история, и скорее не вычитанная из книг, а известная из трагического личного и семейного опыта. Польша быстро определила свое место в мире и в Европе. Я думаю, что Россия тоже будет откровенней принаравливаться к современным реалиям. Сегодня оптимистические сценарии более вероятны.

2. Россия и Украина — очень важные друг для друга стратегические партнеры. Этот вопрос должен стать исходной точкой в формировании наших отношений с Украиной.

3. Не думаю, чтобы хорошие отношения Польши с Россией мешали Украине. Как раз наоборот.

4. Безопасность государства или его стратегические интересы — это вопрос времени, тогда как экономическая выгода — явление обычно кратковременное, поэтому она не может быть приоритетной.

Анджей де Лазари

РУССКАЯ МЕЧТА О «ВСЕСОБОРНОСТИ»

Сомневаюсь, можно ли переоценить то влияние, которое в долгосрочной перспективе оказывают идеи.

Фридрих фон Хайек

«Новую» книгу Анджея Валицкого я проглотил одним духом, но голод остался. «Новую» в кавычках, так как она пролежала в издательстве несколько лет, а голод — так как в ней мне не хватило хотя бы послесловия, помещающего проблемы XIX века в контекст сегодняшней действительности. Ибо в русском «православном» мышлении ничего не изменилось — это, пожалуй, первый вывод, который могут сделать из чтения очередного замечательного труда моего учителя те, кто наблюдает сегодняшние борения с католичеством в России (а Польша остается их фоном).

Анджей Валицкий принадлежит к тем польским ученым, которые сумели, живя в ПНР, сохранить интеллектуальную свободу, сознательно пренебрегая идеологическими запретами и приказами. Среди его трудов нет ни одной книги, утратившей научную ценность. Он никогда не писал на заказ — чей бы то ни было, оставаясь в науке невозмутимым либералом. Вероятно, потому среди его друзей и корреспондентов мы находим таких людей, как сэр Исайя Берлин и Чеслав Милош. Потому же его книги печатались в Англии, Италии, Испании, Японии и других т.н. капиталистических странах. В историю философской мысли он вошел как один из создателей варшавской школы истории идей вместе с Брониславом Бачко, Лешеком Колаковским и Ежи Шацким. Его книги стали учебниками для нескольких поколений философов, историков, филологов и политологов, интересующихся русской и польской философской и общественной мыслью. Такая судьба, безусловно, ждет и рецензируемую книгу, но...

Первое «но». Мое поколение будет несколько разочаровано. Валицкий здесь ничего нового не открыл. То, о чем он пишет, мы уже находили в его более ранних польских или английских трудах (назову хотя бы «В кругу консервативной утопии», Варшава, 1964; «Философия и мессианство», Варшава, 1970;

«Русская философия и общественная мысль от эпохи Просвещения до марксизма», Варшава, 1973). Более молодые, наоборот, будут удовлетворены: вся тема в одном томе.

Второе «но». А вот и не вся — только до конца XIX века. Выходит, XX век и то, что всего интересней, т.е. современность, им придется изучать по каким-то другим трудам. Жаль, потому что Валицкий отлично ориентируется в хитросплетениях как советской мысли («Марксизм и скачок в царство свободы. История коммунистической утопии», Варшава, 1996), так и постсоветской: он не раз участвовал в дискуссиях о современной России. Или современная Россия для него не Россия, а в ней не стоят вопросы католичества и Польши? Чушь, конечно. Отсюда мое сожаление о том, что в книге нет хотя бы послесловия.

Третье «но». Валицкий едва затронул официальную «церковную» и «государственно-чиновничью» мысль. Его книга ограничивается проблемой «Русские мыслители XIX века перед лицом католичества и (при случае) польского вопроса», а эти мыслители, как правило, стояли в оппозиции к официальной Церкви и государству.

Уменьшают ли эти «но» ценность книги? Ни в коем случае! Просто я поддался внушению заголовка и знакомой мне продукции того же издательства и ожидал чего-то вроде недавней книги Валицкого «Польские борения со свободой» (Краков, 2000) — научно-публицистической, а не на все сто процентов научной.

Разумные и неразумные утопии

В своей Нобелевской лекции Александр Солженицын повторил своими словами прекрасную мысль романтика Аполлона Григорьева: «Нации — это богатство человечества, это обобщенные личности его; самая малая из них несет свои особые краски, таит в себе особую грань Божьего замысла». И многие другие русские сегодня продолжают отождествлять историософию с эсхатологией и убеждены в святости Руси и ее необыкновенном предназначении. Для меня это свидетельствует о том, что немалая часть русской мысли остается внутри романтического мировоззрения, противопоставляющего русскую «интуицию и веру» западному «стеклышку и глазу». Анджей Валицкий своей книгой укрепляет мою уверенность в этом.

Прослеживая русскую мысль перед лицом «католического вызова» от Чаадаева до Соловьева, т.е. на протяжении всего XIX

века, он показывает, что романтическая утопия лежит в основе мировосприятия самых видных русских мыслителей — которые и были учителями Солженицына. Все они в своем филокатоличестве (Чаадаев, Печерин, Гагарин, Соловьев) или антикатоличестве (Иван Киреевский, Хомяков, Тютчев, Иван Аксаков, Достоевский и многие другие) опирались на утопический образ «всесоборности», «кафоличности» (в принципе, Валицкому следовало бы говорить не об отношении к католичеству, а к Римско-Католической Церкви, ибо «кафолическое»/«католическое» и значит «соборное»). «Всесоборности» предстояло воплотиться в так или иначе объединенном христианстве — с Римско-Католической Церковью или без нее, с Русской Православной Церковью или без нее, с соединенными католической и православными Церквями или вообще без Церкви как института (например, в анархистской утопии Льва Толстого). На первом месте всегда стояло утопическое «всесоборное» (даже Христос отходил на второй план), вытекавшее из утопической всеобщей любви (не раз подпираемой штыками: Достоевский во время польского восстания 1863 г. и русско-турецкой войны), осуществленное в утопической общине (славянофилы), соборности (Хомяков), всеединстве (Соловьев) и т.п., чтобы в конечном счете воплотиться в жизнь в советском муравейнике. Этого муравейника в книге Валицкого уже нет. Нет в ней и мысли о том, что по сути нам, современникам, не так уж важно, кто из русских был филокатоликом, а кто антикатоликом. Те и другие создавали идею утопической «всесоборности», а, как пишет сам Валицкий, цитируя фон Хайека, невозможно «переоценить то влияние, которое в долгосрочной перспективе оказывают идеи».

Анджей Валицкий.

"Россия, католичество и польский вопрос".

Варшава, «Прушинский и К°», 2002. 462 с. — На польск. яз.

Андрей Буровский

ПОЛЬСКИЙ СОБЛАЗН СЕГОДНЯ, ИЛИ ЧТО УДИВЛЯЕТ В ПОЛЬШЕ РОССИЯНИНА

Я часто вижу, что приятелям

Уже не верится, что где-то

Есть мир, где врать — не обязательно

И даже глупо делать это.

Игорь Губерман

По крайней мере с XVI столетия — как только смогли осознать — москвиты обнаружили, что, «оказывается», за западными границами их страны существует огромное общество, миллионы и десятки миллионов человеческих существ, говорящих на славянском языке. На языке, почти понятном русскому без переводчика; на языке, на котором он может читать... И притом это общество обладает как раз всем, чего россиянин «благополучно» лишен.

В польский соблазн входят и каменные города с мощеными улицами и фонтанами, и университеты, работающие с XIV века, и выборность городских властей, и вездесущее «пан». Заметьте — соблазны я расположил по мере нарастания. Каменный город — это здорово, но этого хочется меньше, чем гражданской свободы. А выборность городских властей чарует меньше, чем возможность быть паном. Для всех и всегда — паном, а не холопом... Даже не верится!

Великое множество русских людей за три века всячески «соблазнилось» от Польши — и продолжают «соблазняться».

«Польский соблазн» для образованных русских легко переходил в «польский кошмар» для бюрократии и для имперской верхушки государства российского.

Сколько было пролито чернил, лишь бы доказать любой ценой: русскому человеку не нужна личная свобода! Ему вовсе не хочется быть независимым от своего государства! Это немцы и англо-саксы так устроены — чуть ли не на уровне генетики.

Истинно русский человек любит вовсе не свободу, а начальство, и не самостоятельность, а холопство. Так уж он устроен, и термин «истинно русский» принципиально важен — ведь очевидно, что множество русских людей вовсе не любили начальства и не хотели холопства... А это — не истинные русские! Так сказать, ущербные экземпляры.

Начать список «ненастоящих русских» следует, вероятно, с моего полного тезки Андрея Михайловича Курбского — сбежал, сволочь, от Ивана Грозного в Речь Посполитую, а Богом данного ему начальника, царя Ивана, обвинил в преступлениях и казнях. Весь список таких «ненастоящих русских», если его составлять, получится совершенно огромен, и даже не всегда понятно, кого больше — «настоящих» русских или «ненастоящих»?

Когда речь идет о романских, о германских народах, можно еще сослаться на их «менталитет», рассказывать сказки о том, что у них-де гражданское общество ну прямо-таки на генетическом уровне... И вообще — «это же немцы!». А вот с Польшей эти сказки не проходят.

Поляки — такие же. Поляки — оттуда же. Не случайно же их самоназвание так похоже на название племени, сплотившего Русь вокруг своей столицы — Киева. Поляне — поляки... Люди, кормившиеся на распаханых лесных полянах.

То есть какое-то сходство можно найти кого угодно с кем угодно, даже у русских с полинезийцами например. Но с поляками у русских общего столько, что временами просто перестаешь чувствовать себя за границей.

Если в Германии вы проходите мимо людей, которые пытаются восстановить разбитую машину, эти люди остаются где-то «у себя» в своей частной жизни. Они в твою жизнь не полезут, и ты не лезь. В Польше стоит обратить внимание на парней, пытающихся вставить в корпус одной машины двигатель от другой, и они обязательно кинут вам хоть словечко. Начните посреди Кракова крутить головой и вертеться — и вам придется долго объяснять прохожим, что вы не заблудились, просто вы иностранец, вам интересно... И хоть один из этих людей да начнет вам рассказывать про город.

И в недостатках поляки и мы схожи. Поляки — точно такие же болтуны, такие же ругатели и охальники, как русские. Они тоже любят разухабистые «орательные», их многословие, их готовность полгода дебатировать, в какой цвет красить здание польского землячества, их способность орать песни до трех

часов ночи удивляют и чуть ли не пугают англосаксов и немцев. А русский в польской компании будет так же орать песню про развратную Марысю, спавшую с кем попало... и почувствует себя вполне «как дома».

Поляк так же сочетает в себе комплекс превосходства и комплекс неполноценности, как и большинство русских. И для «самой маленькой из великих наций», и для гордящейся своей громадностью Руси одинаково свойственна черта, характерная скорее для малых наций, особенно для пребывающих в рассеянии. Мы (и поляки, и русские) очень ранимы, очень зависимы от того, что о нас и кто говорит, каково мнение о нас у соседей... Как дети, право.

Как же тут не родиться чувству общности?!

С особым чувством пролистываю я страницы журнала «Новая Польша». Не только потому, что очень рад явной удаче журнала — в том числе и как организатора русско-польского диалога.

Но и потому, что этот сугубо «иностраннный» журнал постоянно поднимает до боли знакомые проблемы.

Взять хотя бы спор шановных панов Анджея Щипёрского и Адама Михника («Хамы и ангелы», «Новая Польша», 1999, №1). Проблемы совершенно «российские»: место интеллигенции, интеллигентности в мире, охамение общества, наследие коммунистического режима.

Многое узнаваемо и в общих обстоятельствах, в том фоне, на котором происходит спор: социальная психология образованных слоев общества, противостояние «городского» общества и моря «хамов», перед которыми интеллигенция испытывает пресловутый комплекс «исторической вины», но и не считает себе ровней. Проблемы слабого развития среднего класса, столкновения крайностей, омужичивания и одичания. Все это очень родное — не зря же мы так остро чувствуем свою общность.

Была и зависть: потому, что все эти общие — и «наши», и «ваши» — проблемы ставятся и решаются все же в обществе европейского типа. У «вас» в составе нации были и есть 10% шляхтичей, прошедших все-таки школу демократии, уважения к человеческой личности, отношений «как равный с равным и свободный со свободным». Лично у меня щиплет глаза от этой формулы, потому что я далеко не уверен, что наши дворяне, составлявшие 2% населения, прошли хотя бы отдаленно похожую школу.

Политическое раздувание «польского жупела», шизофренические обвинения во всех грехах, от религиозной ереси до бытового зазнайства и высокомерной хитрости, явственно отражают не только убеждения людей, но и истерическое желание отторгнуть дразнящий, манящий соблазн славянского европеизма. Любой ценой высмеять то, чего хочется больше всего. Доказать самому себе, что «не очень-то и хотелось», что виноград все равно зелен.

Можно говорить, наверное, даже о своего рода «польском уколе»... Имея такое же наследие, как и все славяне, поляки стали частью Европы. И весь многовековой «спор славян между собою» всегда был окрашен в краски не национального, не религиозного, а именно цивилизационного спора.

Предки очень точно определили Россию — как поле борьбы азиатчины и европейства. По сей день происходит этот выбор — и народом, страной, и в каждой отдельной голове.

Анджей Новак в своей статье «Соблазны геополитики» («Новая Польша», 2002, №6) показывает, как живучи стереотипы, опирающиеся все на те же геополитические — сиречь на имперские амбиции. Один из стереотипов, просто позарез необходимых военщине, — как раз отрицание права славян быть европейцами. Польша ненавистна как весомое, грубое, зримое доказательство: славяне могут быть частью Европы.

Пересекая польскую границу, русский оказывается вдруг в стране, где вместе с множеством общих славянских черт поведения и образа жизни присутствуют такие, которые вовсе не свойственны ни России, ни Украине. Черты, объединяющие Польшу уже не с Россией, а с Германией или Францией.

Первое, что бросится в глаза россиянина, будет вежливость. Такое ощущение, что многие окружающие расположены к вам и готовы отвлечься от своих дел, лишь бы оказать вам какую-то мелкую услугу. Ощущение, кстати, не такое уж глупое: поляки и впрямь легко оказывают любые услуги, с удовольствием помогают незнакомым людям — в том числе иностранцам.

И уж конечно, почти никто вам не нагрубит и не скажет ничего обидного. И скандалов с воплями и взаимными обзывательствами вы в Польше, скорее всего, не увидите. Через какой бы город вы не покинули Польшу, после ее привычной вежливости бытовая грубость языка ударит вам по уху что в Бресте, что во Львове. Оказывается, русский человек просто мгновенно привыкает к тому, что он не «мужик», не «чувак»,

и не «эй, ты!» — а некоторым образом пан. И что именно так и должны относиться к нему все окружающие.

Второе, что поразит воображение гостя из России, будет стремление поляков расписать свои жизни по дням и часам. При всей своей импульсивности и эмоциональности поляк обычно хочет знать, что и когда он будет делать.

Теоретически россиянин хотел бы, чтобы общество функционировало с точностью часового механизма и осуждает российское разгильдяйство. Печаль в том, что для такой четкой работы экономического и государственного механизма нужна еще и четкость поведения отдельных граждан... Что и не всегда удобно для приезжего, и «скучновато», и вообще как-то «неправильно».

Третье открытие, которое быстро совершает россиянин в Польше, — это удивительный культ частной жизни! Рабочие места пустеют в три часа, и если вы попросите перенести встречу на четверть четвертого, поляк согласится... но с интонациями жертвы.

— Долго мы засиделись! — скажет поляк, если в обществе «Союз сибиряков» разойдутся около семи часов вечера.

Для русского это совсем рано, русский и ложится и встает позже поляка. Но и помимо этого русский плохо понимает: куда спешат поляки с работы? Раз не домой — это тем более непостижимо, еще в большей степени странно. «Кабачок 13 стульев» казался россиянам чем-то сугубо условным, они как-то и не задумывались о том, что вовсе не герои сериала, а самые живые и реальные поляки встречаются в кабачках и проводят там довольно много времени, общаясь между собой.

Для россиянина такое общение — это нечто, идущее от избытка денег и свободного времени. Ему трудно понять, что так живут самые обычные и вовсе не богатые интеллигенты.

Россиянин проведет в Польше чуть больше времени и обнаружит еще одно странное качество польского народного характера. Я имею в виду редкую доверчивость и даже наивность поляков.

Полякам нравится нравиться. Им приятно быть приятными, и они любят быть любимыми. Я уверен, что эта черта и лежит в основе стереотипа хитрого и подлого поляка. Наверное, русскому или украинцу, воспитанному в совсем иных традициях, не так просто понять: так вести себя можно, и вовсе

не стремясь ни к какой корысти. Можно хотеть понравиться и просто так... И в темной голове забитого, постоянно вынужденного врать «начальству» — то становому, то участковому, то налоговому инспектору, то пану куренному... (меняются, мелькают, как в калейдоскопе, времена, империи и страны, а необходимость врать все остается и порой даже усиливается), — так вот, в голове этого вынужденного вралю возникает стойкое убеждение: поляки хитро втираются в доверие. Чего-то они наверняка хотят от тех, кому пытаются понравиться! Ведь никак не может быть, чтобы они хотели быть приятными так просто... Без всякого умысла!

До какой степени расходятся стереотипы поведения поляка и русского, свидетельствует хотя бы сюжет в «Новой Польше» — о жизни Мариуша Вилька, поселившегося на Соловецких островах (С Мариушем Вильком беседует Станислав Бересь // «Новая Польша», 2001, №5). Вот пан Мариуш, среди всех прочих писаний, рассказывает с умилением: гражданину другой страны немыслимо трудно официально зарегистрировать оружие, а участковый все же регистрирует его двустволку в обход закона... Вот она, душевность русского человека!

У россиянина бюрократизм вызывает все-таки меньше сопротивления — привыкли. Но и читая про милого участкового, я хотел бы эдак кротко спросить пана Мариуша Вилька: он что, действительно не понимает, что сделал гадость этому милому участковому? Разве он, взрослый человек, хоть и поляк, не в силах понять, что сделал участковый? Милиционер вошел в положение пана Мариуша и оказал ему услугу, нарушив закон. Вдумайтесь: полицейский сам нарушает закон, чтобы помочь человеку... А пан Мариуш платит ему неблагодарностью — рассказывает об этом на страницах международного журнала...

Мы очень хорошо знаем, что люди постоянно оказывают друг другу услуги по обходу закона. Не всегда это коррупция — часто такие услуги оказываются даже не по знакомству, а просто из чувства справедливости или чтобы вполне бескорыстно помочь человеку. Но, конечно же, болтать о таких услугах просто глупо.

Так вот, поляки выросли в другом мире. В мире россиян лгать надо на каждом шагу и даже глупо этого не делать. А в мире, где живут поляки, лгать совершенно не обязательно и даже глупо делать это.

В результате поляки удивительно (для россиян) открыты и легко сообщают о себе какие-то сведения. Им просто не

приходит в голову, что не только в суде все сказанное вами может быть использовано против вас.

Поляки верят на слово собеседнику. Если вы понравились поляку, он легко доверит вам свои вещи и даже деньги. Поляку часто не приходит в голову, что вы можете его обмануть. Коварный, хитрый поляк — это яркий персонаж Достоевского. Но в реальной жизни я часто слышал о том, как украинцы (реже русские) обманули поляков, но почти не встречал обратных случаев. «Почему-то» поляки или не стремятся обжудить восточных славян, или у них не получается. Причину я вижу одну: мир, в котором врать не обязательно и даже глупо делать это, лежит сразу к западу за Брестом. Поезд пересекает границу миров между Брестом и Тернополем, сразу после белорусской таможни.

Красноярск, 2002

ОТ РЕДАКЦИИ

Мне кажется, автор этой интересной и яркой статьи, отлично, между прочим, подметивший, что полякам нравится нравиться, сам не учел этого обстоятельства, описывая мир, начинающийся от Бреста и идущий через Польшу дальше на Запад, как мир, где врать не обязательно и даже глупо. Увы, достаточно перелистать хотя бы «Хронику (некоторых) текущих событий» Виктора Кулерского в нашем журнале, чтобы обнаружить, сколько врут поляки. Конечно, в хронике речь идет преимущественно о политиках, и можно счесть, что в этой профессии врать обязательно (хотя все равно глупо) — что в России, что в Польше, что на Западе. Но и в обычной жизни, увы, врут и поляки, и французы, и американцы, и кто хошь (врут, когда обязательно и когда совсем не обязательно). Тогда, может быть, разница только количественная, а не качественная? А это уже иной коленкор.

Думаю, что, в общем-то, недостатки у людей (вплоть до упомянутой автором Полинезии) всюду примерно те же — как и достоинства. Другое дело, что существует еще идеологическая ложь — та, против которой было сказано: «Жить не по лжи». Жить по лжи — это посерьезней, чем просто врать, и привычка жить по лжи (продолжая лгать уже не в рамках рухнувшей идеологии) не быстро выветривается: нужно время. И чем дольше приучали жить по лжи, тем больше потребуется этого времени. Быть может, разница в этом? Но и она количественная, а не качественная.

Автор статьи, как я понимаю, впервые попал в Польшу из свободной России, и в Польшу тоже свободную. В его описании различия не так резки, как в воспоминаниях тех, кто из СССР попадал в тоже коммунистическую, но как же отличавшуюся от нас Польшу (после 56 го года, разумеется), однако и здесь в конце концов отличия были количественными: не свобода, а «побольше свободы», особенно свободы творчества, или когда у нас в конце 70 х сажали на «семь и пять» (7 лет лагеря, 5 — ссылки), в Польше ограничивались задержаниями на 48 часов. Для сажаемых это, конечно, уже качественная разница, но и польская власть опомнилась, встряхнулась и после 13 декабря 1981 г. стала сажать всерьез.

Я впервые попала в Польшу в 1988 г., еще коммунистическую, из Парижа, и впечатление (не от людей, с которыми я встречалась — а это был цвет польской оппозиции, — но от общего вида, от серых, запущенных городов — исключения не составлял и Краков) было гнетущее. Сейчас, конечно, и Польша выглядит несколько по-другому, но и Россия — тоже. Обе страны и оба общества кое-как заживают раны от катастрофы длительностью в 45 или 70 с лишним лет, и в России до исцеления, конечно, дальше.

Мне кажется, статья может служить образцом «положительного предубеждения» русских по отношению к полякам: они-де и европейцы, и свободнее нас, и не врут, как мы. Это тоже один, увы, из стереотипов: помню, году в 72 м, читая полученный из моих рук русский номер «Культуры», мои московские друзья ахали: «Какие эти поляки умные, не то что мы...» — забывая, что на этих страницах были представлены лучшие авторы «Культуры» (все равно что собрать в один сборник лучшие тексты русского сам- и тамиздата за 10 лет). Нет, в их глазах поляки были умные, а мы, русские, если и не совсем дураки, уж точно недотепы. Хорошо бы, избавляясь от польско-русских предубеждений, избавиться и от «положительных».

А в общем-то, думаю, автор, упоминая о том, чем близки поляки и русские, забыл упомянуть одно свойство: мы не просто «охальники и ругатели» — и поляки, и русские, все мы ужасно любим охаивать и ругать себя. Чем, в конце концов, отчасти автор и занимается.

Наталья Горбаневская